

М.А. КОЗЛОВА, О.А. СИМОНОВА, Н.Д. ВОРОНИНА

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ СЕЛА: ПЕРЕЖИВАНИЕ НАСТОЯЩЕГО И ВОСПРИЯТИЕ БУДУЩЕГО

КОЗЛОВА Мария Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей социологии (makozlova@yandex.ru); СИМОНОВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент той же кафедры (osimonova@hse.ru); ВОРОНИНА Наталья Дмитриевна – преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации (method.praktikum.2009@gmail.com). Все – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. В статье анализируется социальная сплоченность жителей российского села, обусловленная социокультурными трансформациями последних лет. На основе результатов количественного (социальной сплоченности) и качественного (образа жизни) исследований дается оценка уровня и качественного своеобразия социальной сплоченности, а также предлагается объяснение низкой интегрированности сельских сообществ в российское общество. Используя метод интервью, авторы анализируют характер сплоченности сельских жителей, что позволяет объяснить ощущение безнадежности, узость временной перспективы, социальную усталость, ностальгию по прошлому, поведенческую пассивность, низкую гражданскую и протестную активность. Это препятствует интеграции в новые социально-экономические отношения и укреплению солидарности общества в целом.

Ключевые слова: российское село • социальная сплоченность • интеграция • идентичность

DOI: 10.7868/S0132162518040116

Введение. Исследование сплоченности и интеграции современного российского общества, в т.ч. в сельских поселениях, неотделимо от анализа социально-культурных трансформаций последних лет. Сложность проблемы частично преодолевается через комбинирование количественных и качественных исследовательских стратегий, которые дополняют друг друга и позволяют анализировать объективные и субъективные аспекты явления. Руководствуясь «методом двойной рефлексивности» [Шанин, 2002], авторы объясняют ряд «болевых точек» в жизненных практиках и социальных связях села центральной России. На основе результатов анкетного опроса проведен количественный квалиметрический анализ социальной сплоченности жителей сел, а затем выполнено качественное исследование (интервью). Анализ переживания опыта сплоченности и разрыва социальных связей, расхождения и социальных трансформаций позволяет понять результаты количественного исследования, настроения селян и их готовность или неготовность действовать в разных сферах социальной жизни.

Сплоченность без консолидированных действий: результаты количественного исследования. Российское село с 1990-х гг., находится в состоянии постоянных трансформаций. Изменения сопровождались деградацией по основным демографическим, социальным и экономическим параметрам, и к концу десятилетия ситуация в аграрном секторе характеризовалась глубоким финансово-экономическим кризисом: большинство сельскохозяйственных организаций были убыточны [Петриков, 2000; Покровский, Нефедова, 2014]. В научной литературе предлагался ряд мер по преодолению деградации сельских сообществ, перспектив формирования новых экономических паттернов селян (очаговая сельскохозяйственная экономика, современное отходничество), анализировались новые социальные явления и формы взаимодействий (фрилансеры, удаленная работа, мобильная медицина и другое), а также возможности их развития в современных условиях (см., напр.: [Покровский, Нефедова, 2014, 2016]). Последствия реализации

государственных программ и адаптационных стратегий, спонтанно вырабатывавшихся самими жителями села, требуют обращения к социальной феноменологии в процессе описания смыслообразующих установок сельской жизни, изучения их в контексте анализа повседневной сельской жизни, в частности дискурсов «крестьянского жизненного мира» [Виноградский, 2015], сигнализирующих о переживании новых форм социального расслоения, сплоченности и глубоких социальных изменений, выявления латентных конфликтов и структур установок сельских жителей [Тощенко, 2016].

В начале 2000-х гг. в Белгородской области было проведено социологическое исследование, выявившее крайне низкий уровень жизни подавляющей части сельских семей: более 70% сельского населения имело неудовлетворительный уровень жизни; около 15% семей находилось на уровне нищеты [Эфендиев, Болотина, 2002: 95]. Иерархия установок и ожиданий жителей села имела вид: безусловно преобладало *пассивное* ожидание того, что кто-то или что-то все изменит к лучшему (более 60%); следом за ним, хотя и с большим отрывом, следовало *смирение*, удовлетворение актуальным уровнем благосостояния (16,1% – среди трудоспособных и 57,9% – среди пенсионеров) [там же: 100–101]. Полученные данные свидетельствовали о глубоком кризисе, проявившемся в отсутствии стремления к улучшению своей жизни, нежелании прилагать дополнительные усилия для достижения своих целей; минимизации потребностей. В качестве причин назывались доминирование аскриптивных норм над достиженческими, пренебрежение законом, превалирование неформальных связей над формальными, несоответствие формальных установлений и действительности, традиционные для российского крестьянства дефицит ответственности за собственное благополучие, фатализм и желание жить, как все [там же: 122].

Со времени проведения в Белогорье указанного исследования в экономике российского села произошли существенные изменения. На совершенно иных принципах теперь базируется хозяйство: «вместо крупного – мелкое, вместо коллективного или государственного – частное, вместо вписывающегося в инфраструктуру, создаваемую государством, и нацеленного преимущественно на внутренний рынок – рассчитанное на открытый рынок и функционирующее на основе разрушающейся инфраструктуры» [Никифоров, Кузнецова, 2007: 192]. Семейные хозяйства сельских жителей стали заметным сектором аграрной экономики. Это оказалось не столько запланированным результатом реформ, сколько следствием «реализации человеческого потенциала села, который, зачастую вопреки реальной аграрной политике, занял вполне самостоятельную позицию среди других хозяйственных укладов» [Великий, 2007: 233]. На этом основывались надежды, что именно аграрный сектор в формате мелкого и среднего предпринимательства и самозанятости мог бы стать колыбелью новой рыночной культуры труда, социальной ответственности, способности к прогнозированию и готовности к риску. Чтобы понять, справятся ли семейные хозяйства со столь масштабной миссией, необходим тщательный анализ существующих на селе настроений и установок, в том числе на конструктивное взаимодействие жителей села и интеграцию сельских сообществ в экономические и культурные связи российского общества в целом.

В фокусе нашего внимания – социальная сплоченность жителей российских сел. Теоретическим основанием работы стало положение о том, что все многообразие форм сплоченности в современных обществах может быть сведено к двум типам: *социальной солидарности (сплоченности)*, с одной стороны, и *социальной саморегуляции* – с другой [Гофман, 2013]. Первый предполагает единство с определенными («своими») людьми и общую идентичность с членами своей группы; второй – приверженность определенным правилам нормативного характера. Рассматривая сплоченность как единство внутригрупповой солидарности и надгрупповой интегрированности, ставились вопросы о специфике реализации механизмов социального сплочения в качестве стратегий сохранения и развития сельских сообществ. Мы полагаем, что именно ингрупповая сплоченность и интегрированность сообщества в социальную структуру более высокого

уровня является основанием развития российского села. Для их оценки было предпринято квалиметрическое исследование¹.

Его результаты (табл.) свидетельствуют: жители села идентифицируют свое сообщество как сплоченное, что реализуется на уровне повседневных практик через развитые сети взаимопомощи – как эмоциональной поддержки, так и трансфертов, имеющих материальную основу (преимущественно, помощь делом и продуктами). Основу этой внутригрупповой сплоченности составляют ценностные ориентации жителей сел: приоритет *Безопасности* (блок Сохранение) и *Благожелательности* (блок Самопреодоление)² в иерархии ценностных ориентаций. Это свидетельствует о выраженной мотивации преданности группе и заботы о благополучии её членов, стремлении быть надёжным и заслуживающим доверия членом группы в сочетании с мотивацией защиты группы и поиска стабильности. Респонденты представляют группу открытой, высоко гетерогенной и ограничивают ее влияние на индивида диапазоном форм, непосредственно затрагивающих интересы окружающих. Ответы жителей села на вопросы об их отношении к проблемам общностей более высокого порядка и интегрированности сообщества селян в эти надгрупповые сообщества показывают: хотя респонденты проявляют внимание к общественным проблемам (не касающимся их лично), их интересы сосредоточены преимущественно на внутригрупповых процессах и событиях. Доверие жителей села «своим» существенно превышает уровень генерализованного доверия, уровень социального участия высок в отношении группы и незначителен в отношении надгрупповых общностей. Таким образом, *высокая сплоченность сельских жителей выступает в сочетании со своего рода самоизоляцией – группа, сплачиваясь, «закрывается».*

Таким образом, ощущая близость и поддержку окружающих, жители села не воспринимают сообщество как способное к консолидированным действиям. Социальный активизм, чувство справедливости и ответственности предстают как механическая сумма индивидуальных ценностей и нравственных ориентаций при отсутствии «системного качества», способного актуализировать коллективное действие. Если воспользоваться метафорой К. Маркса – это «класс в себе», «посторонний класс» на обочине магистральных социальных процессов [Виноградский, 1996: 131]. Сообщество для крестьян становится *ресурсом адаптации и социальной поддержки дефицитарного уровня, но заключенный в нем интегративный потенциал остается не реализованным.*

Чтобы понять социокультурные и социально-психологические истоки сложившейся ситуации, обратимся к результатам масштабного исследовательского проекта «Крестьянство на переломе эпох: анализ социальной организации современного российского села в условиях экономических трансформаций»³, осуществленного в 2013 г.

Изучались жизненные устои и стратегии экономической активности крестьян. Поскольку результаты проекта изложены в ряде публикаций [Efendiev et al., 2014; Симонова, Козлова, 2016], не будем останавливаться на организации и методах исследования. Заметим только, что далее будут представлены некоторые из результатов, полученных

¹ Опрос проведен в 2016 г. в трех селах Саратовской области (N = 100) с использованием авторского опросника социальной сплоченности. Подробно о теоретико-методологических основах и этапах конструирования и валидации опросника, а также об использованных методах математико-статистической обработки полученных данных (см. [Козлова, Воронина, 2017]).

² Использован теоретико-методологический подход и формулировки Портретного опросника ценностей Ш. Шварца [Schwartz et al., 2012].

³ Проект был осуществлен при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, под руководством проф. Эфендиева А.Г. Качественный этап исследования предполагал проведение полуструктурированных интервью по специально разработанному гайду. Опрошено 30 человек: восемь интервью были взяты у информантов с юридически оформленным статусом индивидуального предпринимателя (ИП); четыре интервью – у женщин пенсионного возраста, прекративших официальную трудовую деятельность не более 2 лет назад; и 18 интервью собраны от людей трудоспособного возраста старше 20 лет, совмещающих наемный труд и самозанятость.

Таблица

Основные показатели сплоченности

(в % от числа опрошенных)

Показатель сплоченности	Село
<i>Общая оценка интенсивности социальных связей в группе</i>	
Высокая	82
Низкая	4
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>	
Высокая	68
Низкая	32
<i>Качество, интенсивность и реципрокность социальной поддержки и сотрудничества</i>	
<i>Готовность оказать поддержку члену группы</i>	
Сочувствие	99
Совет	99
Материальная помощь (незначительной суммой)	68
Материальная помощь (значительной суммой)	32
Помощь делом	93
<i>Ожидание поддержки от членов группы</i>	
Сочувствие	97
Совет	98
Материальная помощь (незначительной суммой)	64
Материальная помощь (значительной суммой)	39
Помощь делом	90
<i>Ценностные ориентации (приведены централизованные средние значения приоритетности ценностей, объединенных в укрупненные блоки)</i>	
Сохранение	-,3357
Открытость изменениям	-,2357
Самоутверждение	,0631
Самопреодоление	,3395
<i>Оценка масштабов допустимого группового контроля</i>	
Допустимость контроля над частными сферами жизни	34
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил	91
Оценка готовности членов группы поддерживать групповые традиции	97
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>	
Солидарность во мнениях и совместные действия	75
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий	17
Отсутствие солидарности во мнениях	4
Отсутствие интереса к общественным проблемам	4
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>	
Поддержка ингруппы	12
Поддержка более крупной общности	5
<i>Доверие</i>	
Генерализованное доверие	21
Ингрупповое доверие	96

Примечание. Расчеты авторов исследования.

с применением качественных методов – глубинных интервью с жителями сел Белгородской области.

Качественные данные о характере социальной сплоченности в селах: переживание изменений и ослабления социальных связей. От трудовой деятельности жители села ждут удовлетворения социальных потребностей: в безопасности и стабильности; в аффилиации и уважении. При этом, по оценкам наших информантов, удовлетворяются лишь потребности первого уровня. Отчасти ощущение ненужности, низкой социальной ценности и бесперспективности крестьянского труда порождает обиду и стыд. «Фокусом» оценки ситуации в стране и в собственной жизни представляется падение престижа крестьянского труда: *«Что хорошо было⁴ – мы работали на ферме – это уважаемый труд был, как-то встаешь утром – идешь на работу, ты при деле, на тебя люди смотрят. Все старались работать, а то стыдно было людям в глаза смотреть...»* (ж., 60–65 л., пенс.). Эта апелляция к прошлому носит явно защитный характер: в условиях, когда крестьянский труд не ценится, воспоминания о его былой почетности становятся попыткой восстановить утраченное чувство гордости, ностальгия по советскому прошлому, острота стыда. Но в изменившихся социокультурных и экономических условиях сельскохозяйственный труд лишился былого уважения и почта, воспринимается как постыдный и бесперспективный: *«Дочь приехала с Воронежа (в районный центр), говорит: “Опять вы ерундой занимаетесь!”, я говорю: “А что ерундой – это же наши деньги”, а она: “Да, деньги, на капусте в институт не поступишь! Я лучше буду работать”»* (ж., 43 г., жена фермера). Труд, который не ценится даже собственными детьми, не может не вызывать смущение и стыд: *«это тяжелый труд. Молодежь не хочет идти – это животноводство, это, как сказать – говно, да? С утра до ночи. Запах...»* (ж., 40–45 л., фермер). Субъективная оценка крестьянского труда как «тяжелого» и вредного для здоровья в сочетании с низкой доходностью также передается через слово «г...о», отражающее презрение других людей и самопринижение. Трудовая деятельность лишается ведущей мотивации – поддержание личностной идентичности и публичного «лица», позволявшей компенсировать негативное влияние низкой экономической ценности крестьянского труда.

В результате у крестьянина не остается ничего, что может вернуть ему чувство самоуважения: *«Не надо нам ничего, потому что уже просто дышать нечем – не то, что жить, а дышать нечем. Крестьяне как были на коленях, так и останутся на коленях»* (ж., 40–45 л., самозанятая). И далее: *«Сельхозпродукция не кормит людей – тут мучений больше... Везде все растет, а деревенские – ни хрена не стоят. Деревня мудохается-мудохается – и ни хрена. Крестьянина как душили, так и душат»* (м., 60 л., пенс.). Здесь очевиден механизм приписывания вины государству и бизнесу, недооценивающим крестьянский труд. Примечательно, что в описании ситуации присутствует слово «душат»; часто этой физиологической реакцией сопровождаются стыд и унижение [Scheff, 2011]. Маркером стыда служит и ощущение незначительности: *«Что ж я – клоп какой-то»* (м., 45 л., фермер).

Разрушение идентичности приводит к деформациям временной перспективы. Перспективы развития села, так же как и личные экономические перспективы, рисуются крестьянам преимущественно в мрачных красках: *«Да не на что тут надеяться...»* (ж., 50–55 л., работница фермы). Большинство информантов заявляет о невозможности планирования собственной жизни: *«Интервьюер: Если про планы говорить, как видится дальнейшее развитие? Информант: Никак, ноль. Вот эту технику всю собирал на будущее – у меня планы были, а сейчас, как будто стена, и я не знаю, что будет завтра»* (м., 45–50 л., самозанятый).

Важно подчеркнуть: сужение временной перспективы и рост пессимизма происходили постепенно, и надежды на возможную позитивную динамику со временем сменились чувством безысходности: *«Думали, с каждым годом все лучше будет. Хотели работать нормально <...> жить, как нормальные люди. Но не тут-то было»* (ж., 40–45 л., жена

⁴ Информантка рассказывает о советском времени.

фермера); «Сначала люди ухватились – землю брали – по гектару, по два, коров – по 2–3, по 4 брали, 6 держали. Все посадили. Почему? Потому что нет ничего в карманах» (м., 45–50 л., фермер).

Для понимания природы пессимизма необходимо обратиться к еще одному аспекту, поднимавшемуся в интервью активно и часто – к теме несправедливости. Эта проблема раскрывается информантами, преимущественно через обсуждение двух тем:

– «Чернобыльских» выплат: «А еще у нас же чернобыльская зона. Так вот в Дальнем Чесночном есть «Чернобыль», а в Ближнем – нету – «самолет не показал», а мы с прибором прошли – в хате 20, у реки – 30. Хоть там и грошей 200 руб., все равно, раз есть «Чернобыль», надо платить – и никому не докажешь... Никому мы тут не нужны...» (м., 55–60 л., самозанятый);

– И «истории с поросятами»: «Хозяйства не держат – поросят вырезали, мы так не поняли почему. Сказали – чума, откуда она взялась!» (м., 45–50 л., фермер); «Не обижайтесь, что мы людям не доверяем, нас жизнь научила так – весной пробежались из сельского совета, переписали поголовье, какое вы имеете, мы по простоте душевной все записали – а у нас Савченко издал указ, что африканская чума в Белгородской области, у поросят. И мы остались с носом» (ж., 45–50 л., самозанятая).

В обоих случаях действия органов власти, возможно, оправданы объективными обстоятельствами, но воспринимаются населением как произвол, продиктованный личной заинтересованностью. Характерны два аспекта: во-первых, экстернальность – представления о зависимости событий собственной жизни от воли и желания внешнего субъекта, действующего без учета интересов народа и, более того, использующего население для достижения собственных целей; и, во-вторых, ощущение непредсказуемости событий, представление о возможности внезапных перемен и, следовательно, о невозможности какого-либо планирования: «Это как рулетка, только в рулетке одно «зеро», а у нас – сплошные «зеро», только один сектор может выпасть выигрышный» (м., 40–45 л., фермер). Так формируется и усиливается представление о тщетности любых предпринимаемых усилий: «Года два назад, мы капусту вот так сажали <...> 90 тонн в мусорку вывезли капусту! Никому она не нужна была вообще <...> Мороз лупанул – вывезли и все <...> если сделал – и ничего не получил – обычно человек расстраивается» (м., 45–50 л., фермер).

Чувство, что затрачиваемые усилия не приносят результата, приводит к сужению временной перспективы до точки сегодняшнего выживания, индивид отказывается от усилий, направленных на постановку отдаленных целей, перспективное планирование и выработку рациональных стратегий реализации намеченного. Активность приобретает хаотичный характер, ее эффективность еще больше снижается, и чувство беспомощности и утраты контроля над событиями собственной жизни растет. Круг замыкается.

Заключение: сплоченность без образа будущего. «Кому надо – те выживают» – в такой формулировке репрезентируют свою трудовую деятельность жители села. Два важных аспекта заключены в этой формулировке: во-первых, паттерн самостоятельности, во-вторых – минималистский характер ожиданий. Самостоятельность носит вынужденный характер. «Обреченные» на самостоятельность жители села много и тяжело работают, чтобы обеспечить себя и свои семьи: совмещают работу по найму и труд в личном хозяйстве. Но, поскольку экономическая эффективность этих постоянных тяжелых усилий крайне низка, как благо трудовую активность крестьяне не расценивают.

Подобная интерпретация экономических установок жителей села отчетливо перекликается с результатами квалитметрического исследования социальной сплоченности. Выявленная связь социального участия и социальной поддержки (для индивидов, демонстрирующих готовность оказывать помощь другим, равно как и уверенность в том, что помощь будет оказана ему самому, коэффициент социального участия также высок) свидетельствует о потенциальной возможности локальной сплоченности выступить базисом для формирования сплоченности на макроуровне, социального участия и интеграции.

Однако имеющийся потенциал остается нереализованным – уровень социального участия на селе невысок.

«Минималистский» характер ожиданий, «традиционалистские» трудовые установки, тенденция к социальной самоизоляции жителей села – не случайные проявления индивидуальных представлений. Это компоненты целостной этической системы, имеющей на селе широкий круг приверженцев. Ключевой фактор ее формирования – масштабный, массовый кризис социальной и личностной идентичности, сужение временной перспективы, устойчивое ощущение низкой самоофективности. Это препятствует выработке стратегий преодоления неблагоприятных условий, формированию умения справляться со стрессом [Bandura, Schunk, 1981; Luszczynska et al., 2005]. Так опосредуется связь между негативным опытом и последующей низкой активностью, причем не только в экономической, но и в любой другой сфере [Hoff, Pandey 2004; Lillbacka, 2006], поскольку отрицательный опыт, приобретенный в одной ситуации, переносится и на другие, когда возможность контроля реально существует. В результате те риски, которые могут прогнозироваться и учитываться при планировании в кратко- и среднесрочной перспективе, воспринимаются как принципиально непредсказуемые и неконтролируемые, что ведет к сворачиванию и прекращению какой бы то ни было самостоятельной деятельности и развитию ориентаций на патернализм и пассивность.

Изменения в политической, экономической и социальной сферах российского государства обусловили коренные трансформации ценностно-нормативной системы, в том числе жителей российского села. Падение престижа физического труда лишило крестьянина той опоры, которая позволяла сохранять приемлемый уровень субъективного благополучия и позитивную идентичность. Систематическая депривация как первичных, так и социальных потребностей актуализирует зависть, обиду, стыд, унижение. Приобретая массовый и хронический характер, они блокируют поиск оснований для выстраивания новой личностной и коллективной идентичности. Результат – социально-дисфункциональные последствия переживаемых трансформаций: сокращение временной перспективы, распространение чувства беспомощности; отказ от конкуренции, активного преобразования ситуации и отчуждение от «большого» общества и государства. Чем это обернулось для Советского Союза слишком хорошо известно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великий П.П. Социальная политика на селе: новые вызовы, старые ограничения // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2. С. 231–244.
- Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 82–91.
- Виноградский В.Г. Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 126–131.
- Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник-2012: Сб. научных трудов / Ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. М., 2013. С. 97–167.
- Козлова М.А., Воронина Н.Д. Стратегии и тактики сплоченности в российском обществе: Квалиметрический подход. М.: Университетская книга, 2017.
- Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е. Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 2. С. 179–200.
- Петриков А.В. (ред.) Аграрная реформа в России: концепция, опыт, перспективы. Научные труды ВИАПИ РАСХН. Вып. 4. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. М.: Логос, 2014.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) Ойкумена Ближнего Севера России. М.: Университетская книга, 2016.
- Симонова О.А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 4. С. 539–554.
- Симонова О.А., Козлова М.А. Моральные эмоции и контуры новой трудовой этики сельских жителей в современной России: самоофективность в условиях неблагополучия (на основе интервью

- с жителями Белгородской области) // Социологический ежегодник 2015–2016: Сб. научных трудов / Ред. Н.Е. Покровского, Д.В. Ефременко. М., 2016. С. 106–122.
- Тощенко Ж.Т. (ред.) Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4. С. 83–125.
- Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 9–31.
- Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. New York: Freeman, 1997.
- Bandura A., Schunk D.H. Cultivating competence, self-efficacy, and intrinsic interest through proximal self-motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 41. P. 586–598.
- Efendiev A.G., Sorokin P.S., Kozlova M.A. Transformations In The Rural Life In Russian Belgorod Region In 2000–2013 Through “Modernization” Theoretical Perspective: Increasing Material Well-Being, Growing Individualism And Persisting Pessimism / Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC “Sociology”. 2014. No. WP BRP 56/SOC/2014.
- Hoff K., Pandey P. Belief Systems and Durable Inequalities: An Experimental Investigation of Indian Caste // World Bank Policy Research Working Paper. 2004. No. 3351. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=610395 (accessed 22.11.2017).
- Lillbacka R. Measuring Social Capital Assessing Construct Stability of Various Operationalizations of Social Capital in a Finnish Sample // Acta Sociologica. 2006. No. 49. P. 201–220.
- Scheff T.J. Social-emotional World: Mapping a Continent // Current Sociology. 2011. No. 59. P. 347–361.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. No. 103(4). P. 663–688.

Статья поступила: 11.12.17. Принята к публикации: 21.12.17

SOCIAL COHESION IN THE VILLAGES: THE EMOTIONAL EXPERIENCE OF TRANSFORMATIONS AND PERCEPTION OF FUTURE

KOZLOVA M.A.* , SIMONOVA O.A.* , VORONINA N.D.*

*National Research University Higher School of Economics, Russia

Maria A. KOZLOVA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (makozlova@yandex.ru); Olga A. SIMONOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (osimonova@hse.ru); Natalya D. VORONINA, Lecture (method.praktikum.2009@gmail.com). All – Department of the general sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Abstract. The article examines the social cohesion of the inhabitants of the Russian village, the features of which are closely related to the social transformations of recent years. Based on the analysis of the results of qualimetric (social cohesion) and qualitative (life-style) research, the authors assess the level and character of the social cohesion, and offer explanations for the low integration of the rural community into Russian society at the societal level. The analysis of the interview transcripts is made with the emphasis on the subjective aspects of transformational and integrative processes in the countryside, which are examined through the analysis of villagers’ experience. Based on interviews with rural people, the authors examine the nature of their cohesion, which makes it possible to partially explain the feeling of hopelessness, narrowness of the time perspective, social fatigue, nostalgia for the past and behavioral passivity, low civil and protest activity, preventing the integration of the rural community into the new economic and social relations and strengthening general solidarity of Russian society. The authors conclude that “minimalistic” expectations, “the traditionalist” labor attitudes and the tendency to isolation of the peasant make up a coherent ethical system developed on the basis of the crisis of social and personal identity, the narrowing of time perspective, feelings of low self-efficacy.

Keywords: Russian village, social cohesion, integration, identity, socio-cultural transformations, qualimetric analysis.

REFERENCES

- Bandura A. (1997) *Self-efficacy: The Exercise of Control*. New York: Freeman.
- Efendiev A.G., Bolotina I.A. (2002) Modern Russian Village: At Turning Point of Century and Reforms. Experience of Institutional Analysis. *Mir Rossii* [The Universe of Russia]. No. 11 (4): 83–125. (In Russ.)
- Efendiev A.G., Sorokin P.S., Kozlova M.A. (2014) Transformations In The Rural Life In Russian Belgorod Region In 2000–2013 Through “Modernization” Theoretical Perspective: Increasing Material Well-Being, Growing Individualism And Persisting Pessimism. *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC “Sociology”*. No. WP BRP 56/SOC/2014.

- Gofman A.B. Solidarity or Social Rules, Durkheim or Hayek? About the Two Forms of Social Integration. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik 2012*. [Sociological Yearbook 2012]. Vol. 4. Moscow: INION RAN: 97–167. (In Russ.)
- Hoff K., Pandey P. (2004) Belief Systems and Durable Inequalities: An Experimental Investigation of Indian Caste. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 3351. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=610395 (accessed 22.11.2017).
- Kozlova M., Voronina N. (2017) *Strategy and Tactics of Cohesion in Russian Society: The Qualimetric Approach*. Moscow: University book. (In Russ.)
- Lillbacka R. (2006) Measuring Social Capital Assessing Construct Stability of Various Operationalizations of Social Capital in a Finnish Sample. *Acta Sociologica*. No. 49 (2): 201–220.
- Nikiforov L.V., Kuznetsova T.E. (2007) City and Village: Aspects of Integration in Soviet and Post-Soviet Period. In: *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. No 2 (5): 179–200. (In Russ.)
- Petrikov A.V. (ed.) (2000) *The Agrarian Reform in Russia: The Conception, Experience, and Perspectives*. Academic papers. Vol. 4. (In Russ.)
- Pokrovskij N.E., Nefedova T.G. (ed.) (2014) *The potential of the Near North: economy, ecology, rural settlements. For the 15th anniversary of the Ugorian project*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Pokrovskij N.E., Nefedova T.G. (ed.) (2016) *The ecumene of the middle North of Russia*. Moscow: University book. (In Russ.)
- Shanin T. (2002) Reflective studies of peasant and the Russian village. In: *Reflective studies of peasant: The decade of the studies of the rural Russia*. Moscow: MVShSEN: 9–31. (In Russ.)
- Scheff T.J. (2011) Social-Emotional World: Mapping a Continent. *Current Sociology*. No. 59 (3): 347–361.
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Konty M. (2012) Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 103 (4): 663–688.
- Simonova O.A. (2014) Shame and poverty: The consequences for social policy. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. No. 12 (4): 539–554. (In Russ.)
- Simonova O.A., Kozlova M.A. (2016) Moral Emotions and a Profile of the New Work Ethic Among the Rural Population of Modern Russia: Self-efficacy in Challenging Socio-economic Conditions (Based on the Analysis of Interviews with Rural Habitants of Belgorod Region). In: *Sociological Yearbook 2015–2016*. Vol. 6. Moscow: INION RAN: 106–122. (In Russ.)
- Toshchenko ZH.T. (ed.) (2016) *Meanings of rural life (Experience of sociological analysis)*. Moscow: Center of social forecasting and marketing. (In Russ.)
- Velikiy P.P. Social policy in rural areas: new challenges, old restrictions. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. No. 5 (2): 231–244. (In Russ.)
- Vinogradskiy V.G. (2015) Peasant world in the discourse of generational grief]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological studies]. No. 12 (380): 82–91. (In Russ.)
- Vinogradskiy V.G. (1996) Peasants' communities today (at south of Russia). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 6: 126–131. (In Russ.)